

Международный музыкальный совет ЮНЕСКО принял решение об установлении новой художественной традиции. Начиная с текущего года по всей нашей планете 1 октября будет отмечаться Международный день музыки.

Приветствуя решение ЮНЕСКО, Дмитрий Дмитриевич Шостакович незадолго до своей кончины писал в Открытом письме-обращении к музыкантам всех континентов: «Мы твердо верим, что и в наше время музыка будет выполнять свою благородную миссию объединения людей во имя самых высоких, самых передовых идей нашего

времени и прежде всего идей мира и дружбы народов. Пусть же множатся ряды поклонников, деятелей, друзей музыки! Пусть несет она человечеству счастье, обогащает его духовную жизнь, помогая людям легче переносить горе, полнее и активнее ощущать радости жизни на нашей земле!»

Отмечая Международный день музыки, мы публикуем беседу двух музыкантов: композитора Ромуальда Калсона и Раффи Хараджяна, солиста государственной филармонии Латв. ССР, старшего преподавателя Государственной консерватории Латв. ССР.

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ МУЗЫКИ

МИР УВЛЕЧЕННОГО МУЗЫКАНТА

Энергичному, целеустремленному, слегка ироничному Ромуальду Калсону дается многое. Многое не только в главном деле его жизни — композиции. Один из наиболее ярко одаренных и продуктивно работающих латвийских композиторов среднего поколения, автор большого числа самых разнообразных произведений, он, как говаривали в старину, выказывает таланты и иного рода. Какие? Ну что же, попробуем конкретизировать.

Талант звукорежиссера. На республиканской радиостудии под его руководством сделано немало фондовых записей оркестровой и камерной музыки. Талант учителя. Калсон преподает в Рижской консерватории, где обучает чтению партитуры и искусству аранжировки. Калсон отличный автомобилист, а когда есть свободное время, то в соответствии пору года умелый грибник. Но это не все! Нескольким лет назад им было завершено обучение еще на одном факультете консерватории, и слушатели смогли познакомиться с Калсоном — профессиональным дирижером симфонического оркестра.

— Тяга к дирижированию в композиторской среде встречается не так уж редко. Вспом-

ним хотя бы И. Стравинского, А. Хачатуряна, Б. Бриттена, В. Лютовского — крупнейших мастеров нашего столетия. Но, наверное, в каждом случае есть какие-то свои особые причины, побуждающие овладеть новой специальностью.

— Меня всегда интересовал ход творческого процесса у исполнителей. Чтобы поближе к ним познакомиться и полнее его почувствовать, я одно время выступал как пианист, играл фортепианную партию в своей скрипичной сонате, в сюите для флейты, аккомпанировал тенору Карлусу Зарину. Рост же числа моих собственных симфонических сочинений заставил подумать о дирижировании, о реализации давнишней мечты. К этой профессии меня потянуло уже много лет тому назад: в юности в первую очередь хотелось стать дирижером, а потом уже композитором. А вот в жизни получилось наоборот.

— Каково же взаимодействие между Вашей композиторской и дирижерской деятельностью?

— Оно выражается в обоюдно-полезном влиянии. Не вставая за дирижерский пульт, я не слишком задумывался о проблемах, возникающих перед дирижером — исполнителем мо-

их сочинений. О том, скажем, как обеспечить удобство переходов от одного темпа к другому, или же, к примеру, как сделать нотный текст ясным и удобным для чтения. Кроме того, в результате занятий дирижированием, пожалуй, более точным стало мое ощущение кульминаций и охват формы в целом; что, разумеется, приносит пользу, когда я работаю над сочинением новой музыки.

А композиторский взгляд помогает мне при дирижировании произведениями любого стиля — конечно, если они профессионально написаны — выявить зерно, которое хотелось бы взрастить.

— А что Вам больше нравится: исполнять свою музыку или служить чужой?

— Мне нравится и то и другое. Из «чужой» музыки я сейчас мечтаю о 4-й симфонии Малера.

— Какие чувства испытываете Вы, слушая свои сочинения в интерпретации иных дирижеров?

— Не скажу, чтобы меня так уж баловали вниманием другие дирижеры. Но за теми исполнениями, которые случаются, я слежу с вниманием. Мне доводилось, например, слышать трактовку, в которой необоснованно выпятилась на

первый план какая-то второстепенная деталь. Получился ненужный перекосяк, не слишком приятный для автора. В последнее время я присутствовал на репетициях «Поэмы-фантазии», написанной мной вышедшим летом: Ее концертную премьеру подготовил и провел молодой Василий Синайский, отличный профессионал, обладающий умением глубоко проникать в авторский замысел. Его видение музыки оказалось очень схожим с моим. Даже в деталях.

— В последние годы Вы написали два инструментальных концерта — виолончельный и скрипичный. Обычно произведение такого жанра пишется для определенных исполнителей, не так ли?

— Виолончельный концерт предназначался для Элеоноры Тестелец. Казалось, что ее темперамент и понимание современной музыки хорошо подойдут для этого сочинения. Скрипичный же, который сейчас готовится к исполнению, написан для Валдиса Зарина. Он энтузиаст, ярко артистичен, очень добросовестен и, по моему, вырос сейчас в настоящего мастера. А вообще-то, писать инструментальный концерт весьма непросто. Надо специально изучать инструмент, считаться с его возможностями, думать о том, как в выгодном свете показать солиста и вместе с тем не лишить сочинение содержательности...

— Ромуальд, у Вас немало сочинений для ребят. В их числе есть и крупные: кантата «Шлопстер-Клопстер» и Четвертая симфония, озаглавленная: «Старые сказки — новые присказки». Фирма «Мелодия» выпустила пластинки «Р. Калсон — детям». Хотелось бы узнать, что Вы думаете о массовом детском музыкальном воспитании?

— Очень важно не упустить наиболее благоприятный момент для приобщения ребенка к музыке. На мой взгляд, это должно происходить в дошкольном возрасте, когда мы учим детей говорить и размышлять, раскрываем им понятия о хорошем, красивом, добром. Обидно, если первый контакт малыша с музыкой произойдет случайно, нецеленаправленно. Ребенок ведь настолько восприимчив ко всему окружающему, что одного только негативного

впечатления достаточно, чтобы надолго отбить интерес к музыке. Поэтому нужно, чтобы ему был преподнесен не суррогат искусства, а что-то очень качественное и непременно в хорошем исполнении.

— У Вас всегда много творческих идей и Вы всегда активно работаете. Каковы Ваши планы сейчас?

— Помимо «Поэмы-фантазии» для оркестра, я недавно завершил «Речитатив, арию и дуэт» для двух певцов в сопропровождении органа, сочинение, которое будет исполняться в Домском соборе. Мною сделана еще одна версия этого опуса, в которой партия органа передана оркестру. Сейчас инструментую девять романсов Э. Дарзиня. В день приближающегося юбилея композитора их в сопровождении оркестра исполнят наши мастера — вокалисты Ж. Гейне-Вагнер, К. Заринс, П. Гравелис и А. Дайне. Хотя у меня уже есть опыт работы такого рода, к столетию Э. Мелнгайлиса я оркестровал три его песни, чувствую большую ответственность. Приложу максимум усилий, чтобы романсы Дарзиня прозвучали в соответствии с замыслом автора, но в то же время не буду избегать оркестровых звучностей, открытий в последние десятилетия.

— Какие черты музыки Дарзиня для Вас наиболее привлекательны?

— Естественность, мелодическая яркость, образность. Его сочинения так популярны в народе, что стали уже как бы частью национального бытия.

— В наши дни распространение грамзаписи открыло перед любителями музыки колоссальные возможности. Что бы Вы сегодня, в Международный день музыки, порекомендовали им послушать?

— Тем, кто не успел еще советую познакомиться с двумя из последних работ Р. Щедрина — балетом «Анна Каренина» и Третьим фортепианным концертом. Еще название симфонии Малера, которые, к сожалению, у нас все еще недостаточно широко известны. А вообще-то хорошей музыки много. И нередко, возвратясь к давно не слышанному тобой сочинению, с удивлением открываешь новые красоты.

— Благодарю за беседу.

Интервью вел
Р. ХАРАДЖАНИН.